

В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

Православие и культура

В русском обществе, в русском народе с бесспорной ясностью происходит поворот к религии. Глубокая трагедия, переживаемая Россией, стоит в своем неотвратимом ужасе перед всеми и перед каждым — и неприложимы к этой трагедии обычные исторические мерки, неразрешимы с помощью индивидуальных и даже исторических сил трагические узлы, в которых сплелись неслыханные страдания и безудержное буйство. Слабый человеческий ум отказывается понять и принять этот ужас. «Доколе, доколе, Господи?» шепчут сомкнутые страданием уста, и кажется порой, что не перенесет сердце этого непрекращающегося ужаса. А перенести должно, жить нужно — не для себя, но для России... Где же взять сил, где найти точку опоры и источник жизни? Куда пойти с измученным сердцем и нарастающим охлаждением души, — чтобы найти ласку и утешение, чтобы духовно обновиться и ответить на торжество зла верой в добро и правду? Лишь те, лишь те, кто не угасит лампы перед образом добра, кто сохранит теплую веру в Правду смогут духовно уцелеть и духовно обновить русскую жизнь. И в глубоком сознании этого возвращается русская душа к Богу, возвращается к Церкви, молится и плачет и тем сбрасывает с себя страшное наваждение, зреет и крепнет духовно.

Возвращается русская душа к Богу, ибо осознала коренную неправду жизни, построенной не на началах христианства; возвращается — для того, чтобы обновиться, найти новые силы для жизни, но еще больше — движимая сознанием, что лишь в Боге и с Богом — правда. Есть, есть не мало и в наши дни узкого религиозного утилитаризма, ждущего от Бога немедленного избавления от бед, но сильнее, напряженнее звучит иное религиозное настроение — горькое, покаянное раздумье о прошлом, стремление осмыслить настоящее, искание лучшего будущего. Усталая,

измученная и истерзанная, ищет душа наша в Церкви ласки и утешения, — и в то же время и сама несет туда все лучшее, все нежное и глубокое, что в ней сохранилось, Церкви отдает себя, в нее вырастает. Правды и добра ищет ныне русская душа еще сосредоточеннее, еще напряженнее, чем раньше — и тянется она в этом искании своем к Церкви — к «тихому свету» Христову, к мудрости и радости Православия. Это движение душ еще остается скрытым, кажется чисто индивидуальным, интимным, как бы не дорастает до уровня «исторических фактов», но в действительности дело идет о глубоком переломе в душе России, перед которой раскрываются новые перспективы. Почти не слышать той новой музыки, которая уже звучит в глубине народного духа, но она уже звучит, разгорается и захватывает нас помимо нашего сознания. «Обращения» к Церкви умножаются, растет и проясняется религиозное сознание, не рабски склоняется под бременем креста своего непостижимого Русь, но приемлет его, в духе своем, просветляется в страданиях, — и не только слезы льет в храме, но и радостью о Господе светится она; светится и Церковь русская светом притекающих к ней. Пусть еще бушует буря на равнине русской, сея смерть и страдания, ожесточение и одичание — но сколько любви было явлено за это время, сколько венцов мученических воссияло красотой невиданной, сколько безвестных подвижников, Богу лишь ведомых праведников явила Русь!

Откровение свыше дано нам во всем, что мы ныне переживаем, и наша задача — осмыслить и осознать его. Мы стоим уже на пороге новой жизни, мы носим уже тайну ее в сердце своем, но чтобы пришла эта новая жизнь, чтобы в творчестве нашем, в действовании отразилось то, что открылось уже сердцу нашему — нужно понять, нужно осмыслить переживания наши. Если не поймем, мыслью не усвоим того, чем полно ныне сердце наше — бесплодно для нас и для родины пройдет неповторимый наш опыт. Не мысль намечает пути жизни, но открываются они впервые сердцу; однако только то, что усвоено мыслью, что понятно и ясно формулировано ею, становится прочным нашим достоянием, обладает деятельной исторической действительностью. И если мы, свидетели и участники великого крушения родины, носим в себе уже зачатки новых сил, приобщаемся великого откровения, явленного на нас и в нас, то найдется ли в нас достаточно духовной силы, чтобы понять и вместить великую мысль, великую идею, которую выдвигает неизжитая еще историческая катастрофа? Религиозно-философское раздумье по силам ли нам? Или, согнувшись под тяжестью небывалых исторических испытаний,

мы сойдем со сцены, не разглядев в самих себе зари новой жизни и не оставив нашим преемникам ничего кроме бессильных записей пережитого — без итогов, без новой творческой идеи? Гроза и буря еще длятся, ужас еще не кончился, силы так надломлены, что если в сердцах наших и открылась уже новая перспектива — ум наш найдет ли силы и способность осмыслить то, что стало сердцу ясно?

Не знаем, не смеем этого утверждать, но хотим служить этому. Хотим сказать то, что уже открылось нам, хотим помочь другим в их религиозно-философском раздумьи, направить их мысль. Так много пишут, так много печатают — не пора ли начать беседу о самом главном, о том, чем все держится, чем все светится? Не пришла ли пора собирать крупички религиозных откровений, струящихся в нас, не пришла ли пора показать плоды религиозных вдохновений, которыми все больше, все звучнее полнится русская душа? И не лежит ли этот долг прежде всего на нас, живущих на чужбине, согнувшихся от мучительного исторического бессилия и вынужденного досуга? Пусть религиозный процесс, происходящий в нас, слабее и бледнее, чем там на родине, но и наши сердца переполнены, и в нас происходит глубокий внутренний перелом...

Мы обращаемся к тем, в ком началась уже духовная работа, чье сердце обратилось уже к Церкви: мы идем во имя Православия. Для нас Православие и только оно сохранило в полноте и чистоте заветы Христовы, пронесло сквозь века лик Христов; только оно свободно от тех непоправимых уже ошибок, которые заслонили в других христианских исповеданиях правду Христову во всей ее полноте. Православие влечет к себе души наши своей неотразимой красотой, своей глубиной и правдой, в которой находят свое примирение все раздробленные силы жизни, освящается и преображается все натуральное бытие. Духовная целостность и органический синтез, приятие мира без отвержения какой-либо стороны в нем, но с тем большей силой выступающий замысел преображения натурального порядка бытия в благодатный, обращение к свободе человека и преодоление индивидуализма в атмосфере соборности — все эти черты Православия нам стали особенно дороги и нужны в жуткие годы мирового кризиса.

Не историческая инерция, а внутренняя правда Православия, духовная сила, ему присущая, неизъяснимая красота, им излучаемая — определяют обращение русской души к Православию. Но тем более дорого русской душе то, что Православие образует самую глубокую и продуктивную историческую силу русского народа: в Церкви мы вступаем в общение с живым средоточием

русской силы, с самым важным нашим национальным достоянием. Нигде и ни в чем не чувствуем мы себя настолько русскими, как именно в православном храме; та духовная зрелость, которая создается в русской душе в итоге небывалых испытаний, то ясное, спокойное и творческое сознание своей духовной самостоятельности и силы, которое закаляется в нас на фоне безмерного внешнего падения и обнищания — все это так глубоко, так интимно связано с Православием в нас!

Да, в эту сторону глядит русская душа, в православном храме обновляется, зреет она. И именно потому так актуальна, так нужна эта тема — Православие и культура: светом Православия хотим осветить мы всю жизнь, определить все жизненное творчество. Православие ныне открывается русской душе, как основа для построения целостной культуры, как единственная сила, способная обновить жизнь, примирить противоречия истории. С глубокой верой в творческие силы Православия, в сознании правды и красоты его, хотим мы служить делу обновления русской жизни в свете Православия — и как радостно сознавать, что этим мы примыкаем к самым глубоким, самым вдохновенным вождям русского народа! *Гоголь** и *Хомяков**, *Достоевский** и *Федоров** были первыми пророками православной культуры, — но идеал ее смутно предносился и другим деятелям русской жизни. Нам близки все те, кто искал целостной культуры, социальной правды, выпрямления человеческого духа во Христе, — ибо лишь в системе Православия получают свой настоящий смысл, открываются в своей правде, обретают свою силу эти стремления. Для чуткого уха слышна в русской культуре музыка Православия и там, где нет никакой внешней близости к нему... Радостно сознавать это, радостно понимать, что всеми своими устремлениями и предчувствиями шла и раньше русская культура к тому, к чему призывает нас повелительно ныне жизнь. Через страдания и буйство, через страстные искания и тихую покорность неисповедимой воле Всевышнего идет русская душа к Церкви, неся ей все глубокое и нежное, все доброе и сильное...

В Церкви — сила, в Церкви и радость; в Церкви — правда, в ней и счастье; — она есть все, она все вмещает и все освящает, ничего не изгоняет, но все преображает. Пусть говорят, те, кто не знает или не хочет знать Православия, что оно враждебно культуре и чуждается жизни. Но мы, в нем живущие, мы знаем, что это не так, знаем, что именно в Православии открывается возможность целостной, органической культуры. Если Православие было до ныне слишком внутренним, то не в нем, а в нас была причина того, что мало оно выявлялось во внешнем историческом

процессе — ибо лишь через сердце человека, в свободном акте его души внутреннее становится внешним. Всякое иное историческое действовање — не в духе Христовом — и горе нам, если мы это забудем. Пути *теократии** были, быть может, исторически неизбежны — не только в силу действия исторической инерции, но и потому, что соблазн внешнего построения Царства Божьего должен быть пережит, чтобы быть преодоленным. Но Православие всегда сознавало, что в свободе и внутреннем порыве должен человек идти к Царству Божию, не впадая в *исторический докети́зм**, не гнушаясь «плотью» истории, ее эмпирии, но и не подменяя внутреннего внешним.

Сближение Православия и культуры, раскрытие культурных сил Православия, осияние исторического движения светом Православия — такова, по нашему убеждению, историческая тема нашей эпохи. Уяснению и выявлению этого да послужит настоящий первый сборник и да найдет он своего читателя, которому близки и нужны наши темы!

